

А. ДЕСНИЦКИЙ.

Умирающий промысел ¹⁾.

А. Desnitzky.

Die vorliegende Arbeit ist das Resultat von Untersuchungen, die über die Hausspinnerei des Dorfes Tschumitschi (Gouvernement Nishni-Nowgorod, Kreis Gorodetz, Bezirk Wassilëwsk) angestellt wurden. An Ort und Stelle wurde studiert und beschrieben: die Technik des Gewerbes, die Arbeitshütte, die Spinnräder, Instrumente, Farben; die Arten der Spindeln, die Fragen des Absatzes der Ware.

Mit dem Anwachsen des fabrikmässigen Webereibetriebes und dem Verschwinden der Wälder bei Nishni-Nowgorod stirbt das Hausgewerbe allmählich ab, wobei aber die Technik vervollkommen wird. Die mit dem Gewerbe verbundene Poesie, so wenig reich sie auch gewesen ist, verschwindet gleichzeitig.

Anbei ein Glossar der üblichen gewerblichen Terminologie.

I.

Деревня Чумичи одна из тех деревень Городецкого уезда Нижегородской губернии (Василевская волость), где почти все мужское взрослое население умеет делать веретена.

Время возникновения промысла неизвестно. Население знает один ответ: „Всегда ими занимались“. Самые глубокие старики только беспомощно пожимают плечами. Навести справку в архивных материалах невозможно. Во первых, волостной архив не весь цел, а затем, надо принять во внимание то, что вопрос о веретенном промысле до сих пор чрезвычайно мало обследован. Что касается Нижегородской губернии, то я, рассмотрев довольно обширную литературу ²⁾, нашел лишь одну статью по интересующему меня вопросу ³⁾. Но и Ягодинский, автор этой статьи, ничего не может сказать о том, когда впервые местное население занялось выделкой веретен, хотя и интересуется этим. Впрочем, принимая во внимание, что в других

¹⁾ Данная работа студ. 4-го Курса Отдел. Языка и Литературы А. В. Десницкого выполнена под руков. проф. В. А. Десецкого и доц. Н. П. Гриновкой в порядке летней академической практики 1927 года.

²⁾ Сочинения Гацисского.

„Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России“.

„Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России“.

„Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности Нижегородской губернии“.

³⁾ См. „Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности Нижегородской губернии“, статья И. Ягодинского—„Кустарные промыслы Балахнинского уезда“, в ней страницы от 2499—2506 посвящены описанию веретенного промысла.

местах этот промысел существует с самых незапамятных времен, так, например, в Вятском крае он существует с самого его заселения ¹⁾, мы можем и здесь предполагать самое древнее его происхождение.

Что же касается причин возникновения промысла, то их выяснить не трудно. Это — нехватка земли и богатство лесом, пригодным в качестве сырого материала. Земли до того мало и она настолько неплодородна, что своего хлеба хватает на 4—5 месяцев. Его приходится прикупать. Значит, надо искать каких то, кроме земледелия, заработков. И вот бабы строчат, их изделия расходятся по всему союзу. Скупщики наживали раньше крупные состояния на этом деле, да и теперь называют имя Молёва, почти миллионера, „на которого строчат по всей волости“. Собирают грибы; их сушат, маринуют... На них можно хорошо заработать, и в грибную пору в деревне встают рано, чтобы скорее пойти в лес, а то соседи всё оберут. Собирают лекарственные травы. Летом уходят „на каменную“ — в Нижний, Балахну, добираются до Ленинграда и Москвы. Уходят рубить лес. Вместе с мужьями на лесные работы идут часто и жены, если есть на кого оставить дом, если есть кому присмотреть за хозяйством. И, наконец, это самое теперь последнее дело — „точат веретены“.

Когда возникал промысел, кругом стоял хороший строевой лес. Теперь он повырублен. А для веретен нужна хорошая прямослойная береза. Уже в 90-х годах своего леса не хватало. Подвозили с Унжи. В настоящее время привозной лес дорог, своего совсем мало, дорого же веретена не продашь, и поэтому промысел умирает. Повысить цену на веретено кустарь не может: из года в год расширяется потребление в крестьянском обиходе фабричных тканей, которое влияет на сокращение домашнего ткачества, а затем, и так, во многих местах веретено вытесняется самопрялкой. Значит приходится: или довольствоваться буквально грошевым заработком, или оставлять промысел. И если есть хоть чтонибудь другое — его бросают. Преимущественно, поэтому, точат веретена зимой, когда и у себя нет другой работы, и до города почти не доберешься (от Волжской ближайшей пристани деревня в 25 верстах, от ближайшей-же станции железной дороги — в 40).

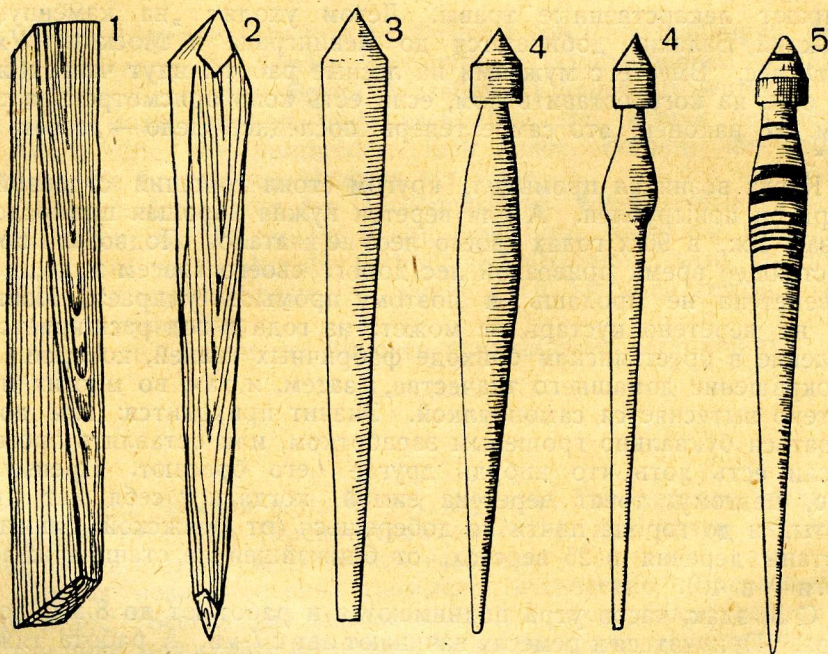
С 5, эдак, часов утра поднимаются и работают до 8-ми, до 9-ти вечера. Приучаться к ремеслу начинают лет с 7-ми. А работа тяжелая. „Когда точишь, не поешь — трудно“. Не уважает кустарь своего дела: „Я с 8-ми лет за это ремесло сел. До шестого десятка мучусь. Болен я — на каменную не гожусь... Так, наверно, и помрешь на коряжке“. Пренебрежение и тяжелая тоска звучат в его словах. И вот собеседник всегда начнет, потом, объяснять цены на материал, краску... „До войны я получал за тыщу веретен рубль двадцать копеек, теперь за тыщу рубля два... Но кабы все считать — не заработаю и 20-ти копеек в день. Краска дорога — четвертак золотник. Оловцо — 4 рубля фунт. Одного олова — на 50 копеек в тыщу. Да, лес — рубль — на тыщу-же веретен... Сделает же он в день, из приготовленного материала-только точи, — не более 500 штук. В ВИК^е определяют ежедневный заработок веретенщика в 35 копеек. „Да, ... товар незавидной. Наточишь, как хлеб-от есть, на красин, на соль — на этот мусор — от“. Отсюда понятно, отчего некоторые, хорошо зарабатывающие летом „на каменной“, с гордостью, заявляют: „Нет,

¹⁾ См. „Материалы по описанию промыслов Вятской губернии“. Выпуск V, 1893 г.; статья Филимонова, Е. И. — „Выделка веретен“, стр. 31—34.

мы веретенам не занимаемся“. Отсюда ясно, почему в веретенном промысле абсолютно нельзя встретить наемных рабочих: там—где необходимый труд продолжается 14—16 часов в сутки, прибавочному нет места. И так убедительна мечта здешнего населения: „Эх, фабрику-бы,... заводишко, хоть какойнибудь, нам-бы сюда“.

Точат веретёна в „рабочей избушке, пристроенной к жилой избе, иногда в бане, совсем редко в доме: „мусору много и ребятишки о „струмент“ порезаться могут“.

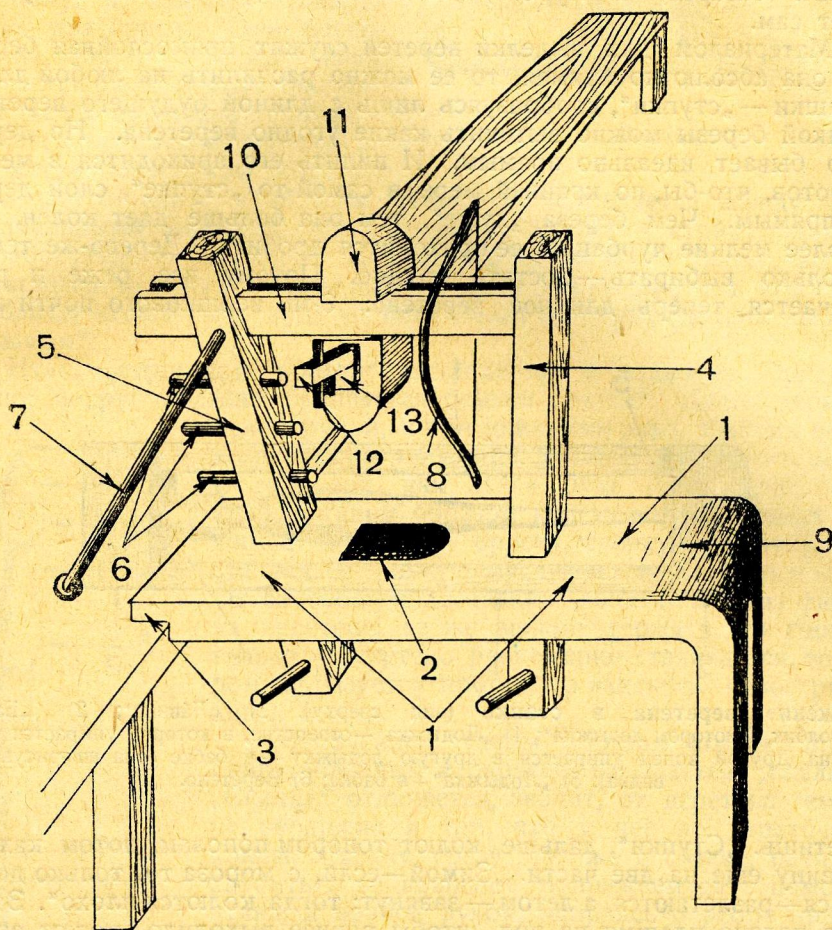
Рабочая избушка не велика — шагов десять в ширину и длину, высота — человеческий рост. В ней четыре окна: два — в две трети обычного размера и две совсем маленьких форточки. Но они зате-



1) „Колган нестрóганой“; 2) „Колган стрóганой“; 3) „Бóлванка“. Обровненный на станке „стрóганой колган“; 4) „Ска́лка“; 5. „Веретено“.

нены навесом крыши и в избушке всегда темновато. В противоположном от окон углу — печь — зимой топить, и сушить дерево. Весь пол усыпан стружками. В стене воткнут серп, на гвоздях ключи от испорченных замков к амбару и сараю. Тут-же низкая „колода“, — „лохань“ — „кормить коров“. „Куда все это девать то?!“ В кучах мусора у стен валяются старые „коряжки“. Стоят высокие, четырехугольные корзины, насыпанные до верху готовыми веретенами. В каждой корзине 1900 штук. Сама корзина идет за 100 веретен. Таким образом, не сбивается ровный счет: корзина — две тысячи. На полочке — „струмент“, всякие „клинушки“, „куксин“... Тут-же всеобщий иллюстрированный календарь 1925 года, гизовское издание. Для крепости он продет проволокой. Еще — приложение к крестьянской газете — преysкурant Сельмаш'а. „Сами то читали, принесли соседям. К нам приходят работать иногда: вместе веселее, а место есть. Устанем, кто-нибудь почитает вслух“. На угольнике иконы:

темные такие, что не разберешь даже, что изображено. На этой же полочке лампа. Она без стекла. „Со стеклом не горит, надо решетку надевать, а в решетку напыливается много“. По стенам (вернее у двух стен, что против печки; в них же окна) лавки. К лавкам приставлены станки, на которых делают веретена.

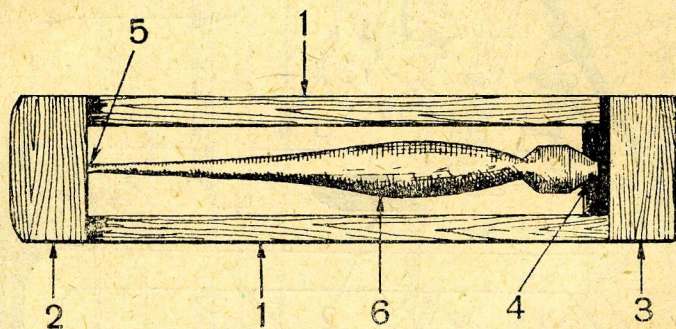


Веретенный станок. 1) „Коряжка“; 2) „Лунка для лопатки“; 3) „Заплечка“ — выемка, которой „коряжка“ прислоняется к скамье; 4) „Столбик, в которой лодыжка“; 5) „Столбик“; 6) „Гвоздкий“. Если хотят сделать коряжку пониже, то, вместо заплечки, прислоняют ее к скамейке, опирая на „гвоздки“; 7) „Подпора“ — втыкается с левой стороны в скамью и в столбик; 8) „Лучок“; 9) „Сиденье“. Сюда, верхом на коряжку, садится веретенщик; 10) „Верхница“ или „лафина“; 11) „Бабка“; 12) „Клин“, укрепляющий поставленную на нужное место бабку; чтобы не ездил; 13) „Подкладина“ под клином, чтоб лучше держался.

Ремесло не сложное. Инструмент, применяющийся в нем, следующий: токарный станок, пила, топор, нож и „лопатка“ — разновидность стамески — очень широкая, отточенная, как бритва. Здесь же надо упомянуть о краске. Самый употребительный для раскраски веретен цвет — черный. Он наносится „дубиной“ — щепочкой дуба (см. дальше описание самой техники производства). Затем, пользуются „куксином“ (фуксин); он обычно применяется теперь: красный, зеленый, редко синий. Желтая краска добывается из снимаемых с березы

наростов. По самым „фигуристым“ веретенам проходятся еще „оловцом“: это дает серебряный оттенок. Насколько можно проследить, эти краски держатся уже лет 50. Это можно видеть, хотя-бы, по старым веретенам. Только раньше синяя краска употреблялась все-же чаще, чем теперь. Все инструменты и краски покупаются на местных базарах, в Пурехе, Василеве; токарный станок кустарь делает сам.

Материалом для выделки веретен служит прямослойная береза. Если она абсолютно прямая, то ее можно распилить на любой длины чурбашки — „ступки“, сообразуясь лишь с длиной будущего веретена. Из такой березы можно выточить какие угодно веретена. Но дерево редко бывает идеально прямым. И пилить его приходится в местах заворотов, что-бы, по крайней мере, в самой-то „ступке“, слой дерева был прямым. Чем береза „хуже“, тем она больше дает колен, тем на более мелкие чурбашки ее приходится дробить. Дерево-же теперь не только выбирать — достать трудно. Потому все реже и реже встречается теперь длинное веретено: 8-ми вершкового почти и не



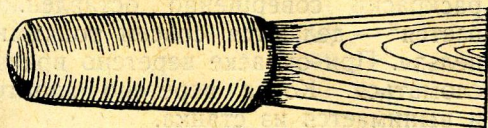
Положение веретена в станке (вид сверху). 1) „Лавина“; 2) „Бабка“; 3) „Столбик в котором лодыжка“; 4) „Лодыжка“ — отверстие, в которое упирается конец веретена. Другой конец упирается в другую лодыжку — в бабку (она на рисунке не видна); 5) „Лодыжка“ — в бабке; 6) Веретено.

встретишь. „Ступки“, дальше, колют топором пополам, потом каждую половину еще на две части. „Зимой — если, с мороза то, только дотронешься — разлетаются, а летом — завянут: тогда колются плохо“. Затем, кладя полено плашмя на пол, чтобы ровнее выходило, колют его на еще более мелкие части. Дальше эти „неструганные колганья“ валят в печь сушить. Когда они высохнут, их или оставляют гденибудь на лежанке, или припрятывают в какоенибудь другое сухое место, про запас, — к тому времени, когда надо будет садиться за станок. Подготовительная стадия в выделке веретена закончена.

Но, прежде чем сесть за станок, веретенщику надо колган обстругать ножом, придать ему грубую форму веретена. Это не было сделано в предварительной подготовке материала потому, что каждый раз приходится сообразоваться с заказом. Если нужно „мелкое“ веретено, то колган приходится часто укорачивать, потом — для одного сорта нужно обстругать больше середину, оставить потолще пятку, для другого — концы заострить, не трогая совсем середины — она обточится на станке и т. п.

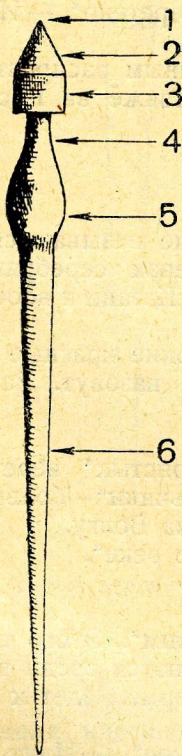
Веретенный станок представляет из себя скамейку, на конец которой садится верхом веретенщик. В другом конце скамейки укреплен вертикальная неподвижная стойка, такая же стойка вделана

в скамью и в том конце, где сидит работающий; ему оставлено, конечно, место для сиденья, и он располагается почти прижимаясь телом к этой ближней стойке. В верхней части каждой стойки прорезаны пазы. В них вкреплены, соединяющие стойки, параллельные полу, и, следовательно, и скамье, два бруска. Они расположены так, что между ними получается щель. В этом просвете помещается подвижная стойка — „бабка“, закрепляющаяся на нужном месте клинушкой, который прижимает ее снизу к брускам. Веретено вставляется между этими параллельными брусками, упираясь одним концом в стойку, ближнюю от работающего, сидящего за станком, другим — в бабку, которая подвигается то ближе, то дальше, смотря по длине веретена. И в стойке и в бабке, чтобы было куда упереть концы веретена, сделаны дырки — „лодыжки“.



„Лопатка“.

Итак, „строганой колган“ вставляется в лодыжки. Предварительно, вокруг колгана обвивается ремень „лучка“. Лучок держится левой рукой, и при движении вниз, вращает колган в правую сторону, при движении вверх — в левую. В то время, как левая рука тянет лучок вниз, вращая таким образом колган вправо, правая прижимает к правому бруску, сверху — лопатку, подставляя ее движущемуся веретену ее острым краем. От способов подставляния лопатки зависят фигуры на веретене, ее же можно держать, то горизонтально — веретено равномерно стачивается, то ребром, образуется прорез, то наискось — заостряется конец и т. д.



Название частей веретена. 1) „Жало“; 2) „Пятка“; 3) „Головка“; 4) „Шейка“; 5) „Бочёнок“; 6. „Конёк“.

Обточенный таким образом колган, вполне приготовленный к окраске, называется „скалкой“. „Скалка“ отличается, значит, от веретена тем, что не окрашена и тем, что у нее не „приточены“ концы. Скалку сразу, тут же в станке, начинают „дубить“: ее вращают попеременно с помощью лучка, и правой рукой, опираясь о ребро правого бруска, прижимают к ней щепочку дуба. На скалке получаются черные кольца, образующиеся потому, что, при трении дерева о дерево, происходит процесс обугливания. Ширина полосы зависит от толщины „дубинки“ — щепочки дуба. Широкие полосы имеют особое название — „жучок“, и проводятся после узких, когда щепочка стерлась и захватывает пошире. Если надо проводить одни узкие полосы, то „дубинку“ работающий беспрестанно подрезает ножом.

Когда черные полосы проведены, на тряпочку — „ошмара“ берется „куксин“: красный, зеленый, желтый. Тряпочка, как и „дубинка“, прижимается к вертящейся скалке и та раскрашивается красными, зелеными и т. д. полосами. Затем, на тряпочку же, или зажатое в лучинке, берется „оловцо“. Им, все тем же способом, наводятся серебряные полосы. Только, чтобы его меньше

выходило, полосы им наводят поверх намеченных „дубинкой“ колец. Это, впрочем, лишь на самые „фигуристые“ веретена. Раньше веретено окрашивалось еще вне станка, кисточкой. Это применялось, конечно, лишь к его самым изысканным сортам. Теперь этот способ раскраски совершенно оставлен. Окрашенное веретено „притачивается“ — делаются совсем тонкими „жало“ и „конец“. Раньше было нельзя. При окраске веретено вращается, и тут тонкие концы могли бы сломаться. Когда веретено „приточено“ — оно готово уже совсем и вынимается из станка.

Сорта веретен различаются, главным образом, по их длине, а затем по форме и рисунку¹⁾. В настоящее время можно назвать следующие: (Указываю также приблизительный район сбыта.)

8-ми вершковые:

„Беспятые“ — делались лет 15 тому назад. „Шли за Касимово“.

7-ми вершковые:

„Питерские“ веретена. Продавались в Петербургской губернии, теперь идут еще в Тверскую.

„Егорьевские“. „Идут по Чувашиям“. „Идут на низ“ — в низовые поволжские губернии.

„Однопятые“.

„Дворезы“. „Идут к Твери“. „Это „верховое“ веретено“. — Идут в верховые (по Волге) губернии.

„Шашковы“. Тоже „верховое“ веретено. Особенным распространением пользуется в Вологодской губернии. Идут также за Ростов (на Дону).

„Чувашки“. „Идут за Васильсурск — к Казани“.

„Черно-Галочка“.

6-ти вершковые:

„Межююмок-краснопузый“, („Краснозобики“), еще называются — „межююмок-постный“: так как нет на этих веретенах серебряных полос. Самое ходкое веретено. Идет около Нижнего, Казани и вообще по низу.

„Межююмок с оловцом“, хотя и здесь есть широкие красные полосы, однако, раз с оловом, то „краснозобым“ не назовут. Район сбыта тот же, что и у предыдущего.

„Кокүшка“.

„Баские“, „баски“ — это одно из самых „фигуристых“ веретен. Они всегда делаются с кольчиками. „Спустить же кольчики“ — большое искусство. Идут около Городца и вообще вблизи — за Волгу.

„Двопятки“. „Идут за Кострому — по Костромке реке“.

5¹/₂ вершковые:

„Шуйские“. „Идут к Шуе“.

„Подверка“, по „фигуристости“ поспорит с „баским“. Этого типа веретена всегда делаются с оловцом и резко выделяются среди всех других, благодаря своей исключительно вычурной форме. Идет к Городцу, да его, вообще, и везде берут понемногу.

5-ти вершковое веретено — называется „мелкое“. „Идут за Нижний“.

4-х вершковые веретена — „Тальки“. „Идут в Иваново-Вознесенскую губернию; в окрестности города Муром“.

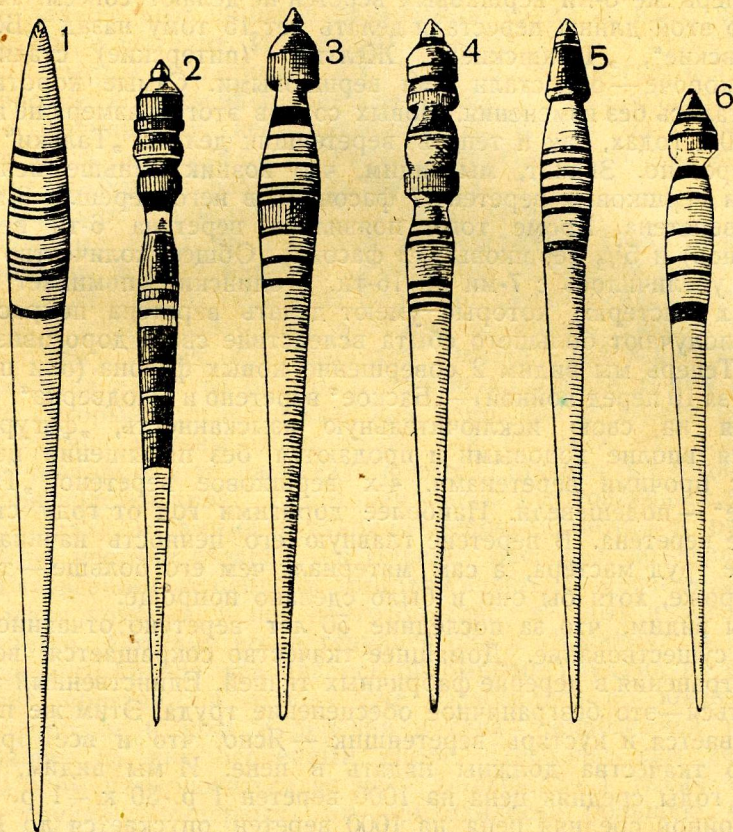
В вышеупоминавшейся статье Ягодинского есть перечень сортов веретен, ему известных. Привожу его.

¹⁾ Прим. Коллекция собранных мною веретен передана в Русский Музей.

За 1000 шт.

Чувашское $\frac{1}{2}$ арш. длины	1	р. 30	к. ¹⁾
Егорьевское $\frac{1}{2}$ арш. (сиротка)	1	" 25	"
Красное $\frac{1}{2}$ арш.	1	" 25	"
Желтое $\frac{1}{2}$ арш. (питерское)	1	" 30	"
Межеумок (межуюмок)	1	" 30	"
Талька $\frac{1}{4}$ арш.	1	" 50	"
Среднее мелкое $\frac{1}{4}$ арш. 1 верш.	1	" 40	"

(стр. 2504).



Сорта веретен. 1) „Беспяты“; 2) „Баскобе“; 3) „Егорьевское“; 4) „Подвёрка“; 5) „Чуваськи“; 6) „Талька“.

И еще, дальше, Ягодинский говорит:

„Встречаются, впрочем, мастера, которые умеют выделывать веретена красивее, с фигурами; но такие веретена не имеют сбыта, потому что неудобны для своего назначения (пряжа) и вдобавок дороги, по 1 коп. веретено“.

(стр. 2505).

Эти сведения нам особенно интересны потому, что Ягодинский, как это можно видеть из даты года издания его статьи, работал

¹⁾ Рядом с названием каждого сорта я не указываю, у себя, цены. В настоящее время точности исчерпывающей нет. Цены колеблются. Приблизительно, я упоминал,— за тысячу теперь дают рубля два.

40—50 лет тому назад в той же местности, с которой имеем сейчас дело и мы. Сравнивая их с нашими данными, мы сразу же замечаем следующее: В 80-ые годы девятнадцатого столетия преобладающим типом веретена является веретено — длинное, 8-ми вершковое. Оно выделяется на целых четыре фасона. Кроме того выделяется два фасона веретен мелких—4-х вершковое—„Талька“ и 5-ти вершковое—„Среднее мелкое“. Всех сортов 7. Цена назначается более дорогая на мелкие. А ведь на них и дерева и краски идет меньше. Ценится, значит, труд, искусство. Легче сделать большое веретено, чем маленькое— работа куда деликатнее.

Теперь же 8-ми вершковых веретен не делают совсем. Последнее веретено этой длины перестали делать лет 15 тому назад („Беспяты“). „Егорьевские“, „Чувашские“, „Желтые“ (питерские) стали теперь делать короче—они стали 7-ми вершковыми. Самые короткие веретена остались без изменения. Новых сортов этого размера не возникло. Как в 80-х годах, так и теперь, веретенщик делает „Тальки“ и „Мелкое“ веретено. Значит, мы видим, что возник раньше неизвестный тип 7-ми вершковых веретен (7 фасонов), в него перешли 8-ми вершковые веретена. Кроме того, появились веретена 6-ти вершковые (5 фасонов) и 5½ вершковые (2 фасона). Общее количество фасонов веретен увеличилось с 7-ми до 16-ти. Ягодинский упоминает об особо искусных мастерах, которые умеют делать веретена покрасивее, но они не получают большого сбыта вследствие своей дороговизны—1 к. штука. Теперь мы видим 2 совершенно новых фасона (они появились уже лет за 10 перед войной)—„Баское“ веретено и „Подверка“, которые, несмотря на свою исключительную изысканность, „фигуристость“, являются вполне ходовыми и продаются без повышения цены—наравне с прочими веретенами. 4-х вершковое веретено „Талька“ и „Мелкое“—подешевели. Наиболее дорогими год от году становятся длинные веретена. В веретене главную его ценность начинает составлять не труд мастера, а сам материал, чем его больше—тем веретено дороже, хотя бы оно и было сделано попроще.

Мы видим, что за последние 50 лет веретено отчаянно борется за свое существование. Домашнее ткачество сокращается, вследствие распространения в деревне фабричных тканей. Единственный его шанс удержаться—это безграничное обесценение труда. Этим же процессом захватывается и кустарь веретенщик.—Ясно, что и все орудия домашнего ткачества должны падать в цене. И мы видим, что если в 80-ые годы средняя цена на 1000 веретен 1 р. 30 к.—1 р. 35 к., то перед войной средняя цена на 1000 веретен опускается до 1 р. 20 к. Исчезает лес, пригодный, в качестве материала, для веретен любой длины, и 8-ми вершковые веретена заменяются богатейшим набором 7-ми и 6-ти вершковых. Техника производства, производства массового, дешевого (теперь уже кисточкой кустарь не станет работать) доводится до исключительного совершенства. Перед тем как умереть, промысел бьется в агонии, перебирая, перед уходящим, отворачивающимся потребителем, все новые и новые фасоны, невиданных раньше причудливых рисунков, изысканных форм.

А гибель промысла неизбежна. И теперь он держится лишь в самых глухих углах нашей страны, только на основе невероятно дешевого труда. В связи с электрификацией Балахнинского района и постройкой здесь новых фабрик и заводов, как местного, так и общесоюзного значения, край оживет—потребуется масса рабочих рук, и веретенщик навсегда бросит свой станок и забудет приемы своего ремесла. Для исследованного мною района вопрос оставления вер-

тенного промысла будет решен в течении нескольких ближайших лет. Этот процесс будет еще ускорен, и частично подготовлен уже теперь ненормальностями в организации сбыта веретен. Но об этом дальше.

В производстве веретена наблюдается некоторое разделение труда. Обрезает „нестроганой колган ножом“, точит веретено и окрашивает его всегда кто-нибудь один; но расколоть „ступки“ может и другое лицо. И действительно, мы видим, что, в пределах одной семьи, „нестроганые колганья“ приготовляет самый сильный и ловкий. Ведь здесь одним ударом топора можно напортить материалу веретен на десять. Но дальше этот процесс разделения труда не идет; за пределы семьи он не выходит. И поэтому, случаев торговли приготовленным вполне сырым материалом — „строгаными колганьями“, что было бы вполне естественным встретить, мы не наблюдаем. Объясняется это, повидимому, необходимостью из года в год удешевлять веретено, а здесь возникал бы добавочный торговый расход, который превысил бы выгоды от разделения функций.

Но обратимся к описанию сбыта самих веретен.

В довоенные годы он был хорошо налажен. Товар сбывался, главным образом, в руки местных скупщиков. Скопился он на руках у местных лавочников, у кузнецов. Веретено служило мелкой разменной монетой и принималось ими в обмен за товар, услуги. Таким образом, к сезону у них образовывался значительный запас веретен. Они уже доставляли их на базары и возами продавали их там другим скупщикам, которые торговали ими или сами, или выдавали на руки по 2, по 4 тысячи мелким разносчикам, или сбывали их торговцам мелочными товарами, а те уже везли веретена продавать в отдаленные от мест производства края. Некоторая часть изготовленных веретен сбывалась, правда, и самими кустарями непосредственно в руки потребителей на местных базарах — в Пурехе, Василеве; доходили и до Городца. Главнейшим же центром торговли веретенами всегда являлась Нижегородская ярмарка. К ней приготавливались за зиму и лето целые амбары веретен. Сотнями возов тянулись они к Нижнему. И в числе прочего щепного товара сваливались огромными грудями на складах „Сибирской“ пристани, а отсюда уже развозились по южным приволжским городам и шли в деревни и села Черноземной полосы, предъявлявшие на них особенный спрос. Продавая сам веретена, кустарь на этом деле нажиться не мог. Больше 2—3 тысяч веретен везти ему трудно. Во-первых, их приходилось, большею частью, тащить на себе, много не поднимаешь, а потом и средств у него не хватало — собрать больше. Весь расход на дорогу, на прокорм, да еще надо учесть потраченное время, ложился на эти несчастные 2—3 тысячи, и, понятно, что домой кустарь приносил едва-едва те деньги, что мог бы получить, продав веретена сразу местному, своему деревенскому, скупщику. Но торговцы покрупнее „зарабатывали“ хорошо. Если это был лавочник, то он сразу же наживался вдвойне. Вместо денег шли ему веретена, и он, пользуясь этим, и на свой товар цену понакинует, и веретено сосчитает подешевле. А его не обойдешь. Он в деревне один. Да и спорить с ним особенно нельзя. Перед ним кустарь-веретенщик „в долгу — как в шелку“. А затем, это о веретене шла в здешних краях поговорка: „За морем телушка — полушка, да рубль перевоз.“ Если это было страшно кустарю, который вез продавать какие-нибудь 3 тысячи веретен, то крупному торговцу бояться цены перевоза не приходилось. Ведь он вез не одну „телушку“.

а несколько сот таких „телушек“ — вез не меньше воза. Цена же за провоз оставалась та же: подвезти на лошади до пристани — все равно за товаром ехать, на пароходе билет все равно один и т. д. За „морем“ же веретена стоили в 2—3 раза, а то и еще дороже, чем на месте производства.

В наши дни тех скупщиков, что были раньше — нет. Теперь крупно здесь торгует веретенами, по старой памяти, повидимому, один кузнец из соседней деревни, да и то по необходимости. Принимал он за работу веретена. Накопилось их много. Надо сбывать. Выбрал патент для торговли. Теперь кается. — „За патент 27 рублей подай, да подоходного за веретена 230, да уравнительного рублей 150 пойдет. Только кузницей и оправдываю... А товар больно не ходкий, лежат целый год — 4 месяца оно, веретено-то, идет; 8 надо ждать — от рождества до сентября месяца. Да и то, идут, как лен уродился. Как не уродился — не надо, не вези. А если завез: оставляй — жди урожая. Они стоят.“

Кустарь-веретенщик вспоминает теперь скупщика прежнего времени, как благодетеля: „Эх, нет теперь людей таких-то. Некуда и товар девать: купец налогом задущен, а кооперация нам не помога“. Последнее, как потом увидим, верно. Веретен же набирается много. По учету того же кузнеца обследованная мною деревня за 1926 год, например, наточила их тысяч 200. Конечно, это изобилие только внешнее. Это скорее полный упадок промысла, правда, для данного момента объясняемый чисто временными трудностями сбыта. В деревне около 50-ти домов. На дом, значит, приходится 4 тысячи выточенных веретен. Это на 8 дней работы одному опытному веретенщику, а в дому, ведь, он не один. Но вернемся к вопросу о сбыте.

Торговля в разнос идет тоже плохо. В разнос торгуют больше мальчишки. Выберут удостоверение из конторы кустарного производства для беспатентной торговли, взвелят короб с 2—3 тысячами веретен на спину, зимой наложат их на салазки, и идут верст за 200—300, иногда же на пароходе едут „вниз“ или отправляются на ту сторону, за Волгу.

— Придешь в деревню — не надо ли веретен? — Почему? — Прошу 15 копеек — 20 штук, или 20 штук — 5 яиц. — Возьми, говорят, 3 копейки за десяток...

— Покупает баба, так все веретена перевертит. Плохое веретено скачет и однобоко вертится... Выбирают попрямее. Смотрят жальцы: как сделаны. Если хорошо, ровно, веретено не должно скакать...

— Ночевать пускают; иногда даже сами предлагают: — Мальчишка, чай устал: спать поди. — Накормят — дашь десяток веретен...

— Иной раз ходишь — ревешь; на пароход не заработать. Мужики гонят: „Баб обманываете — яиц да денег давай вам!.. нынче ситец не дорог“.

— И прибыли от такой торговли никакой: я туда иду 2 недели, продаю 3 дня — выручу не больше, чем если бы это время работал веретена и продал их у себя в деревне. Но, чем зря материал переводить... идешь торговать.

На кооперативные начала перестроиться промыслу не удавалось, а теперь и мысль об этом даже оставлена. Артель организовать трудно: „Надо набрать веретена, а пока собираешь — что есть? Три дня поработаю — мне их продать надо, чтобы хлеба купить.“ Для кооперирования промысла нужен кредит. Но, как и раньше — в довоенное время, так и теперь, ни кредита, ни ссудных учреждений, служащих нуждам промысла, не существует. Да и решаться вопрос о кредите должен

не для одной деревни, а для целого края, значит кредит должен быть не малым. И когда Союз сможет, будет в состоянии, предоставить его, промысел уже погибнет, уйдет с очереди сам вопрос, разрешенный постройкой новых заводов, разрешенный развитием промышленности в стране. Фабрика притянет к себе труд веретенщика, и он от фабричного станка не вернется к своим веретенам, к своей полуголодной работе.

Впрочем, в конце 1919 года была сделана попытка организовать артель веретенщиков. „Все равно веретен сбывать-то было некуда“. По договору с Производсоюзом изготавливаемые веретена, черенки (см. дальше) он должен был принимать, выдавая кустарям взамен продукты. Артель существовала с год и „разлинялась“. С продуктами было совсем плохо, да и веретен Производсоюзу девать было некуда; сбыть их он никуда не смог.

Теперь от веретен всячески отмахивается: „Переходите, говорит, на другое ремесло.“ У него до сих пор с 19-го года веретена в Нижнем на складе лежат. А торговать попробовал — не покупают: он „тальки“ привез туда, где их не видывали никогда, не знают, — рассказывает с усмешкой крестьянин-веретенщик.

Перед войной была сделана очень интересная попытка перехода на другое производство, пользуясь техникой веретенного промысла. Точили черенки для солдатских лопат и черенки для молотков. Сбывали их в Павлово. Станок был тот же, что и для веретен, только для больших черенков к лопатам приходилось его делать покрупнее. Черенков для лопат один человек мог сделать в день штук 50. За штуку платили по 5-ти копеек. Работали так года два. — „Зарабатывали тогда, по нашей добыче, хорошо. В это время жилось лучше всего“. Но постепенно заказы прекратились. В последнее время, в годы начала НЭПа, „потребилровка“, помня этот опыт, пыталась связаться с Павловскими кустарными артелями. Некоторое время были заказы на черенки для молотков. Но когда одна их партия прочно засела на руках у кооператива, дело бросили. Так до сих пор эти черенки и лежат у него на чердаке.

Использовать технические навыки кустаря-веретенщика можно и иным путем. Их можно использовать на фабрике, на заводе. Веретенная деревня может в быстрый срок дать промышленности кадры квалифицированных рабочих-токарей по дереву и металлу. На заводе станок, конечно, другой. Приемы работы — тоже. Но все это можно скоро усвоить. Самое же главное: точность глазомера, приобретается многолетней практикой. Она у веретенщика уже есть.

II.

Желая обследовать вопрос возможно полнее, я, собирая вообще фольклорный материал этой местности, особенно интересовался всем, имеющим хоть какое-нибудь отношение к веретенному промыслу. Весь материал, имеющий отношение к разбираемой мною сейчас теме, привожу ниже, а также привожу, записанный мною дословно, рассказ веретенщика о том, как он торговал веретенами в разнос. Этот рассказ будет служить живой иллюстрацией к ранее разбиравшимся мною положениям, а так же, будет мне нужен для сравнения с литературными записями.

Прибаутки:

- 1) Веретена не точены,
Только пятки золочены.

Частушки:

(Сказывает компания девушек).

- | | |
|---|---|
| 1) Вот-те мочки, вот-те лен,
Вот те сорок веретен.
Сиди попрядывай —
На меня поглядывай. | 3) Веретена баские
Иванова Васьки,
Суриком покрашены,
Целовать приказаны.
(Вот и Иванов тут, —
слушатели). |
| 2) Веретёнке все запряла —
Голубое перво.
(Ой, ой, ой, — как форсисты, — вос-
клицают слушающие).
Будет, будет, посмеялся
Г..... стерво. | 4) Веретёнке не вертится,
Нитка петелькой идет.
Как понравился мальчишка —
С ума-разума нейдет. |

Анекдоты.

(Передано своими словами).

— Поехал в первый раз Чумичевец на параходе. Ему и говорят: „Держись за столб, а то сильно дернет, как в первый раз-от“. Так до Городца парень и стоял; разве услышишь, как параход тронется. А кругом смеются.

Выслушав анекдот спрашиваю: „А куда он ехал-то? ... зачем?“ — Отвечают: „В Нижний, с веретенам, что ли“.

Сказки ¹⁾.

Здесь я сделал только одну запись. Но эту сказку по причинам ее нецензурности я не привожу. Кроме того, она чрезвычайно длинна, а к веретенам имеет лишь то отношение, что рассказ начинается сообщением веретеника о том, как он, голодный, едет продавать свой товар. Предложение купить веретена сразу же преподносится в неприличнейшей форме, а затем торговец веретенами рассказчиком забывается и сказка переходит в традиционно-похабнейший анекдот с допом.

Свой сбыт веретен ²⁾.

* К сожалению, размеры настоящего очерка принуждают меня ограничиться приведением лишь части записанного мною рассказа.

— ...взойдешь в село, продажи еще не открываешь. Сначала выпросишься в дом погреться. Пустят тебя и станут спрашивать: куда и с чем проезжаешь и откуда. Станешь им сказывать: еду с веретенам. — Прядут ли у вас здесь, по вашей местности? — Тебе отвечает какая-нибудь старушка: „Нет, родимой, у нас здесь бросили и куделю сеять-то, уж и не прядут. У нас народ-от ремесленный. Мужики-ти все живут на чужой стороне: добывают по многу. Стали покупать все с базару. А прясть-то уж совсем отстали. А ты вот куда иди, родимой, вот в таки-ти, в таки-ти села“. А ты уж в их был, там совсем не берут. Выйдешь из дома к своим салазкам, на волю, сядешь на них, наклонишь голову и думаешь: теперь уж не знаю, куда и итти.

— Потом начинаешь, значит, видишь, что сбыть веретена негде, начинаешь искать, как бы продать кому эти веретена валом. Найдешь, предлагаешь ему веретен. Он говорит: „Теперь сезон кончается: брать-то будут плохо их у меня“. Спрашивает тебя

¹⁾ Сказка рассказана Чумичёвым, Алексеем. Ему 17 лет. Со старшим братом они объездили, торгуя веретенами в разнос: Нижегородскую, Самарскую, Симбирскую, Владимирскую, Костромскую губернии. Он из самых бедных крестьян на деревне. Малограмотен. Отец умер, — он его и не помнит. Его и брата в ужасающей нищете вырастила и выкормила одна мать.

²⁾ Рассказ записан со слов Матина, Николая. Ему 27 лет. Он кончил приходскую школу. Во время войны с полком объездил всю Россию. В 23 году был помощником председателя сельсовета.

„Да ты торговал ли в нашем-то селе?“ — „Нет, я еще только пришел, с веретенам не ходил. Спросил — нет ли где человека такого, чтоб мне можно было их все сдать валом“. А сам думаешь: я уж ходил-де, у меня их не берут в нашем-то селе. Спрашивает: „Сколько цены ты возьмешь за тыщу?“ — „Да давай 4 пуда, за тыщу, ржи“. Торговатца, торговатца: он тебе дает 2 пуда с половиной за тыщу. „Прибавь хоть еще полпуда“. — „Нет, не прибавлю. Хошь — отдавай за эту цену, а не хошь — как хошь“. Рассчитаешь, что больше итти с веретенам некуда: надо отдать за 2 пуда с половиной. Наменял я: 3 пуда ржи, на дорогу хлеба печеного фунтов 25 и несколько деньжонок. И вот наш заработок в течение 4-х недель, не считаясь с тем, что идешь на 200 или 400 верст пеший. Треплемся в лаптишках рваненьких, в пиджачишке худеньком.

— Придешь в село к вечеру, станешь проситься ночевать. Тебя не пускают, посылают дальше: иди в то, вон, село, там пустят, а у нас еще разводу нет, еще рано. А како, чорт, рано — скоро ночь... Так ходишь, ходишь по селу; ночлегу нигде не добьешься и отправляешься в другое село. Входишь в село, начинаешь проситца ночевать. Время уж поздно: зажгли огоньки. Стучишься: „Непустишь ли, сделай милость, дяленька, ночевать?“ — „А чей ты?“ — хозяин спрашивает. „Да я — дальний“. — „А чей, дальний?“ — „Из Нижегородской губернии“. — „Куда ты ходил?“ — „С веретенам... дяленька, сделай, брат, милость, пусти ночевать-то, прикрой от темной ночьюки“. Хозяин отвечает: „У меня-то семья-то больно велика, а избенка, больно, маленькая; тесно спать-то будет“. — „Дяленька, пусти, сделай милость, Христа-ради“. А там на печи сидит какая-нибудь старушонка — старой чорт. Одно ворожит: „Не нады... не нады-ы, у нас негде. Попросишь в Шабрах. Оне пустят“. Опять кричишь: „Дяленька, пусти, брат, Христа-ради. Уж как-нибудь поместимся, где-нибудь я лягу“. Хозяин говорит: „Ну, поди — ночуй, што-ли“.

— Придешь в дом, поздоровкаешься, глядишь — больша ли семья-то у них. А их три, четыре человека. Вот разденешь лапти, сбросишь и спрашиваешь: „Дяленька, мне бы лапти посушить, да порянт“. Хозяин отвечает: „Лапти в печь хозяйка бросит после ужину, а порянтки на печь постели, они там высохнут“. Вот садятся ужинать хозяйевы, а ты сидишь в заднем углу и думаешь: посадят ли меня ужинать. Поесть хочется. Даром бы варева похлебать. Хозяин кричит: „Садись, товзрищ, поди с нами поужинай“. Первым делом, руку накинешь на голову, затылок почешешь: „Да нет, спасибо, я не хочу — кушайте“, а самому, смерть, поесть охота. „Ну садись, брат, поешь, да и лягишь спать“. Встаешь, садишься за стол, начинаешь завертывать за обе щеки. Вылезаешь из-за стола, поблагодаришь хозяина и валишься спать. Утром встаешь, отправляешься дальше. И вот так всю дорогу — взад и вперед справляешься.

... Придешь к дому, или в дом, кричишь: „Хозяйка, надо ли веретен?“ Хозяйка говорит: „Веретен-то бы надо, только денег нет“. Хозяин сидит дома: „Да, куда тебе к... веретена-то, у тебя есть. Что напрасно деньги изводить“. А я стою с веретенам и говорю: „Да возьми десяточек, что ты... уж поддержи парня-то“. Хозяйка говорит: „Надо десяточек взять“. Хозяин говорит: „Ну, возьми десяток, только, не знаю, деньги то есть ли там, мелки-ти“. Ценой сторговались: баба начинает набирать веретены с корзины. А в корзине веретен сотни две или полторы. И эта баба чуть не все веретена перевертит — все выбирает прямых. Наберет веретен и говорит: „Чай, уж, прибавь веретенце, одно-то, што тебе“. — „Да нет, тетка, вас возьмет у меня сто штук по веретенцу: вам надо разделить целую сотню“. Денежки получишь или рожь, цапнешь свою корзинку с веретенам и отправляешься из дому. А баба все кричит: „Чай, уж, прибавь веретенце, что тебе одно-то“. А я кричу: „Нет, нет, не прибавлю — ну, вас“. Вот приходишь в другой дом: „Хозяйка, не надо веретен? Баские! Хорошие! Накрашенные!“ — „Да нет, не надо. Своих много. Купи — продадим“. Отправляешься дальше, опять кричишь: „Хозяйка, не надо ли веретен?“ — „А почем они у тебя — десяток, как ты их продаешь: на хлеб, али — на деньги?“ — „На што хошь сменяю: на хлеб хоть, на деньги. Все равно мне“. — „Да, вот, хлеба-то нет, денег-то нет“. — „А что у тебя есть? Давай менять на яйца“. — „А сколько ты яиц возьмешь за десяток-от?“ — „Семь штук“. — „Нет, вот пяток — так возьми“. — „Давай, бери скорее!“ Наберет веретен, яйца получишь и отправляешься дальше. Идешь по улице: стоят бабы — штуки три, четыре, пять. И думаешь: „Эх, сейчас возьмут веретен“. Подходишь: „Бабы, надо веретен? Эй!“ — „Почем они у тебя? На што ты меняешь их?“ — „Меняю на хлеб, на деньги, на яйца“. Вот таким родом ходишь все время, продаешь веретены.

Сразу бросается в глаза крайняя бедность этой литературы. Только 4 частушки, а всего я записал в этой деревне их штук 500. Да и из них только одну можно считать созданной на почве веретенного промысла. Это помеченная у меня 3-ей. Остальные три говорят о веретене, не как о предмете производства или сбыта, а как об орудии прядения.

Всех остальных видов произведений народного творчества у меня приведено по одному. Совсем нет поговорок, заговоров, песен. Между тем, хотя местность бедна, вообще, поэтическим материалом, мною, здесь собрано до 30-ти сказок, штук 20 песен; относительно заговоров, правда, должен оговориться, что я их не нашел; вернее, не успел найти. И из этого все-таки обширного поэтического материала „веретенной“ деревни так мало о веретенах. В чем дело? Не о чем говорить? Нет, не так. Хотя бы по приводимому мною рассказу торговца веретенами в разнос, можно судить об этом. Причины другие. Какие же?

Не любит кустарь своего дела, и эта нелюбовь отражается в поэзии.

Помню, я, собирая образцы фасонов веретен, старался собрать их побольше. Между прочим спросил: „А нет ли у вас детских веретен, чтобы детям играть?“ Мне ответили: „нет“. Я был разочарован в своем рвении, но все же продолжал настаивать: „Ну, неужели же никогда, никто не делал? А сами ребятишки? Может им, для игры, делают маленькие станочки, и они сами точат?..“ Мой собеседник сразу прекратил эти вопросы угрюмо проговорив: „Какая тут игра“. Да, в самом деле, какая тут игра! Свой промысел, это клеймо нищеты, кустарь не может полюбить, к нему он может привыкнуть, привязаться, но ведь говорят, что, даже выходя из тюрьмы, человек жалеет немного об ее стенах. Даже к ним можно привыкнуть.

К этому же убеждению мы придем, исследуя наш литературный материал. Здесь самой интересной записью считаю прибаутку, помещенную мною в самом начале этой главы. „Веретена не точены — только пятки золочены“. Пытаясь сообразить, что она значит, полагаю, что ее можно передать, иначе, так: несделанная вещь позолочена. Произнося эту прибаутку, человек хотел сказать: не станешь мол ты того делать, нелепость какая! Я ее записал у девушки, которая, на мой вопрос — нет ли чего о веретенах, задумалась, повторяя: „Веретена, веретена“... и вдруг вскинулась, вспомнив: „Веретена не точены, только пятки золочены!“ Когда я спрашивал у нее и у других — на деревне, что эта прибаутка значит, оказалось, что не знают, считают ее просто звучным сочетанием слов. Яркий образ, выраженный языком веретенного промысла, непонятен сегодняшней „веретенной“ деревне. (Никаких дальнейших выводов, здесь, не берусь делать; для изучения истории вопроса, у меня не подобран материал).

Из частушек — относящейся к веретенному промыслу и созданной на его почве, как говорил, я могу считать лишь одну. Но одна — из пятисот! Да и та записана от девушек, которые веретен не точат — „веретенам не занимаются“. А сколько я ни беседовал с мужским населением, как я ни наводил их на сообщение мне поэтического материала о веретенах, при всем старании, ни один не вспомнил ни одной частушки с веретеном.

Зато рассказали сказку. В ней сразу-же, как напоминание об отношении населения к своему промыслу, после слова „веретена“ — „хлеба ни крошки“. Сказка как-будто бы, о том, как рассказчик ездил продавать веретена. А между тем, мотив торговли веретенами только, как-бы, привешен к началу, и быстро переходит в похабный анекдот, не оставляя по себе никакого следа. Да и сам мотив продажи приводится, как нечто неизбежное, от чего надо поскорее отвязаться. И этот мотив рассказчик бросает так небрежно, что его даже можно обвинить в неверности изображения событий. Неужели, в самом деле, веретена так легко продать. (Сравни рассказ Матина). Приобретя формулу непристойного обращения, которая сказочника приводит,

буквально, в восторг, он произносит ее прямо смакуя, он спешит применить ее к дальнейшему развитию темы, даже при ее помощи, не задерживаясь на вводном мотиве. Но может быть здесь не о чем говорить? Едва ли — так. По крайней мере, в рассказе о торговле веретенами, хоть форму обращения, предложения купить, можно бы вспомнить. Как у Матина: „Веретена баские! хорошие! накрашенные!“ Да и вовсе не так уж не о чем рассказывать, вспоминая как продавал веретена. (См. рассказ того же Матина).

Если в сказке еще видно, как бросается вводный мотив, то в приведенном анекдоте это можно обнаружить лишь путем чисто искусственного анализа: Анекдот кончен, вводный мотив не упомянут и лишь наводящим, настойчивым вопросом можно заставить его вспомнить: с веретенам, что-ли“.

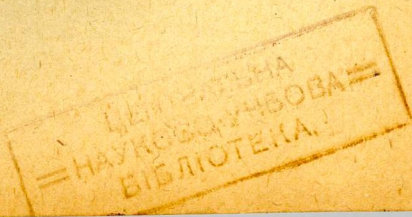
Но чем же, вместо своих веретен, так заинтересован в этом анекдоте веретенщик? Что идет на смену веретену, где оно еще было? — И в поэзии — в анекдоте, в частушке, как и в жизни, слышатся гудки волжского парохода. И в поэзии, как и в жизни, начинает пробиваться в деревню влияние города. Пока это только частушка о комсомольце-женихе, об алиментах, реже о Ленине, Троцком. Будем ждать новых песен — подлиннее.

Не могу, в конце, не задержать внимания читателя на резкой антитезе созданной жизнью: чтобы удержаться на своих позициях, промысел расцветает так ярко, как никогда. Бесконечным разнообразием, бесконечным богатством форм озаряет он закат своего существования. А его поэзия, в эти дни, также бесконечно бедна. Мне жаль, что я не смог заняться вопросом о прошлом поэзии, связанной с промыслом. Может быть, тогда, я с полным правом, мог бы утверждать: Там, где жизнь лишь цепляется за свое существование, проявляя лихорадочные невиданные силы, поэзия умирает.

Словарь веретенного промысла ¹⁾.

- ** **Ба́бка**, ки, ж. У веретенного станка; подвижная стойка, в которую одним из своих концов упирается обрабатываемое веретено.
- * **Баскбе** (веретено), **Баскй**. Сорт веретен. Особенно „фигуристое“ — с кольчиками. **Баскй**, ая, ое. Очень хороший. „Баскбе веретено“. Басче этих не делают“ (У Даля „баскй“ — хороший вообще. В здешней же местности это слово особенно употребительно по отношению к веретену).
- * **Беспы́ты**, ят, множ. Сорт веретен.
- ** **Болва́нка**, ка, ж. „Колган строганой“ — обровнянный на станке.
- ** **Боче́ночек**, ки, м. Часть веретена, его припухлая серединка называется так.
- Веретено**, на, с.
- Верете́нный**, ая, ое.
- ** **Верхни́ца**, цы, ж. У веретенного станка.
- ** **Гвоздо́к**, ка, м. Часть веретенного станка.
- ** **Голо́вка**, ки, ж. Название верхней части веретена, его, так сказать — „околыша“.
- * **Двопяток**, ка, м. **Двопята́**. Сорт веретен.
- * **Дворезы**, ов, множ. Сорт веретен.

¹⁾ Одна звездочка у слова означает, что в „Толковом словаре живого Великорусского языка“ В. И. Даля — слова нет. Две — есть, но с иным значением.



- ** **Дубина**, ны, ж. Щепочка дуба, употребляемая для проведения темных (черных) полос на веретене.
- ** **Дубинка**, ки, ж. Узкая, черная полоса, наведенная на веретене „дубиной“. „Веретено в две дубинки, в три“.
- ** **Дубить**, лю, ишь. Проводить черные полосы на веретене. „Теперь буду веретено дубить“.
- * **Егорьевское** (веретено). Сорт веретен.
- * **Жало**, а, с. Жальцы множ. Тот конец, то острие веретена, на котором оно вертится.
- * **Жучок**, ка, м. Широкая, черная полоса, наведенная на веретене „дубиной“.
- * **Заплёчка**, ки, ж. Выемка, которой „коряжка“ прислоняется к скамье. (Часть веретенного станка).
- Клин**, на, м. В общеупотребительном значении, а также — клин, укрепляющий „бабку“, чтобы не ездил. (Часть веретенного станка).
- ** **Кокышка**, ки, ж. Сорт веретен.
- ** **Колган**, на, м., **колганьёв**. 1) „Колган нестроганой“ — на такие колганья раскалывается березовая чурка. 2) „Колган строганой“ — наколотые колганья обтесываются ножом. „Колган строганой“ — можно вставлять в станок и обтачивать в веретено.
- ** **Конёц**, ца, м. Это та часть веретена, которую сучат рукою, когда прядут.
- * **Корёжка**, ки, ж. Основание веретенного станка. Та, скамья, на которой он установлен. „Так и помрешь на корёжке“.
- * **Краснозобики**, ов, множ. Сорт веретен — это межумок с боченочком красного цвета.
- * **Куксин**, а, м. Краска — фуксин, употребляемая для окраски веретен; обычно бывает красная, зеленая, реже — синяя. „Ну, теперь куксинцем“.
- * **Лавина**, ны, ж. Часть веретенного станка.
- ** **Лодыжка**, ки, ж. У веретенного станка. Отверстия в которые упираются концы вращающегося веретена называются — лодыжками.
- ** **Лопатка**, ки, ж. Род стамески — употребляется при изготовлении веретена. Ею она обтачивается.
- ** **Лунка**, ки, ж. „Лунка для лопатки“. В веретенном станке углубление, куда класть лопатку.
- * **Лучок**, ка, м. Им приводят во вращательное движение обтачиваемое веретено.
- * **Межумок**, ка, м. Сорт веретен... есть и валенки „межумо к“ — так сказать на середине.
„Межумок по́стной“ — веретено — межумок без олова.
„Межумок краснопу́зый“ — У него „боченочек“ красный, „Межумок с оловцом“ — раз серебряные полосы есть, хоть и красный „боченочек“, а краснопузым“ не назовут.
- * **Мёлкое** (веретено) — Короткое.
- * **Однопёт**, ка, м., **однопёты**. Сорт веретен.
- * **Оловцо**, ца, с. Им наводят на веретене серебряные полосы, (обязательно поверх проведенных „дубинок“).
- ** **Ошма́ра**, ры, ж. Тряпочка, на которую берется фуксин при окрашивании веретена.
- * **Питерское** (веретено). „Питерских веретен нет“, чаще — „Питерских нет“.
- * **Подвёрка**, ки, ж. „Баское“ и „подверка“ — самые „фигуристые веретена“.
- ** **Подклады́на**, ны, ж. Под „клином“, чтоб лучше держался. (В веретенном станке).
- ** **Подпбра**, ры, ж. У веретенного станка. Палка, подпирающая его, чтобы не накренился влево при работе.
- ** **Прита́чивать**, аю, ешь. „Прита́чивать веретено“. Окончательно обтачивать его концы после окраски.
- ** **Пятка**, ки, ж. Название для одной из нижних частей веретена.
- * **Рабочая** (избушка). Изба, приделанная к жилой, в ней делают веретена.
- ** **Сиденье**, я, с. У веретенного станка.
- ** **Ска́лка**, ки, ж. „Болванка“ — обточенная на станке дальше в форму веретена.
- ** **Станок**, ка, м. Веретенный станок.

**** Сто́лбик, ка, м.** У веретенного станка. Есть просто „сто́лбик“ и есть — „сто́лбик, в котором лодыжка“.

Струмент, та, м. Инструмент.

**** Ступка, ки, ж.** „Береза пилится на ступки“ — такие чурбашки, из которых после накальваются колганья.

**** Талька, ки, ж.** Самый короткий фасон веретен.

**** Точить** — („веретены“).

**** Фигуристое (веретено).** Красиво сделанное, ярко, хорошо раскрашеное.

*** Черенóк, ка, м.** Рукоятка молотка, лопаты. Одно время их начали делать и на веретенных станках.

*** Черно-гáлочка, ки, ж.** Сорт веретен.

*** Чувáсько, ка, с., Чувáськи.** „Чувáсько веретено“.

*** Шахóвка, ки, ж.** Рукоятка солдатской лопаты (см. черенóк).

*** Шашкóво, го, с.** Шашкóвы. Сорт веретен. „Шашкóвы почему?“.

**** Шéйка, ки, ж.** Название одной из частей веретена.

*** Шуйское (веретено).** Сорт веретен.